

А.Ф. Чебыкин

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

18+

Александр Чебыкин
Судьбы людские

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Чебыкин А. Ф.

Судьбы людские / А. Ф. Чебыкин — «ЛитРес: Самиздат», 2007

В повести рассказывается о жизни нескольких поколений. Автор с подкупающей достоверностью и глубоким философским подтекстом повествует о переломных, зачастую трагических событиях уральской глубинки; рассказчик почти с документальностью летописца излагает жизненные перипетии своих героев. В повести воссозданы исторические картины русской старины, передан колорит деревенского уклада, характерный язык персонажей. Главное достоинство книги – ее глубокий смысл. На обложке картина И.И. Шишкина "Полдень в окрестностях Москвы" (1869 г.).

Содержание

Предисловие	5
Родовая память	7
I. Обустройство	8
II. Любовь убегом	9
III. Печали и радости	10
IV. Судьбы детей в поступках родителей	12
V. Скитания и страдания	13
VI. Илимовая гора	15
VII. Буйство	16
VIII. Дороги фронтовые	17
Смена эпох	19
Хозяин	20
Поруха	22
Враги	25
Возрождение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Предисловие

В повести «Судьбы людские» рассказывается о жизни нескольких поколений Устюжаниных, жителей уральской деревни «Княжий двор». Автор с подкупающей достоверностью и глубоким философским подтекстом повествует о переломных, зачастую трагических событиях уральской глубинки; рассказчик почти что с документальностью летописца излагает жизненные перипетии своих героев.

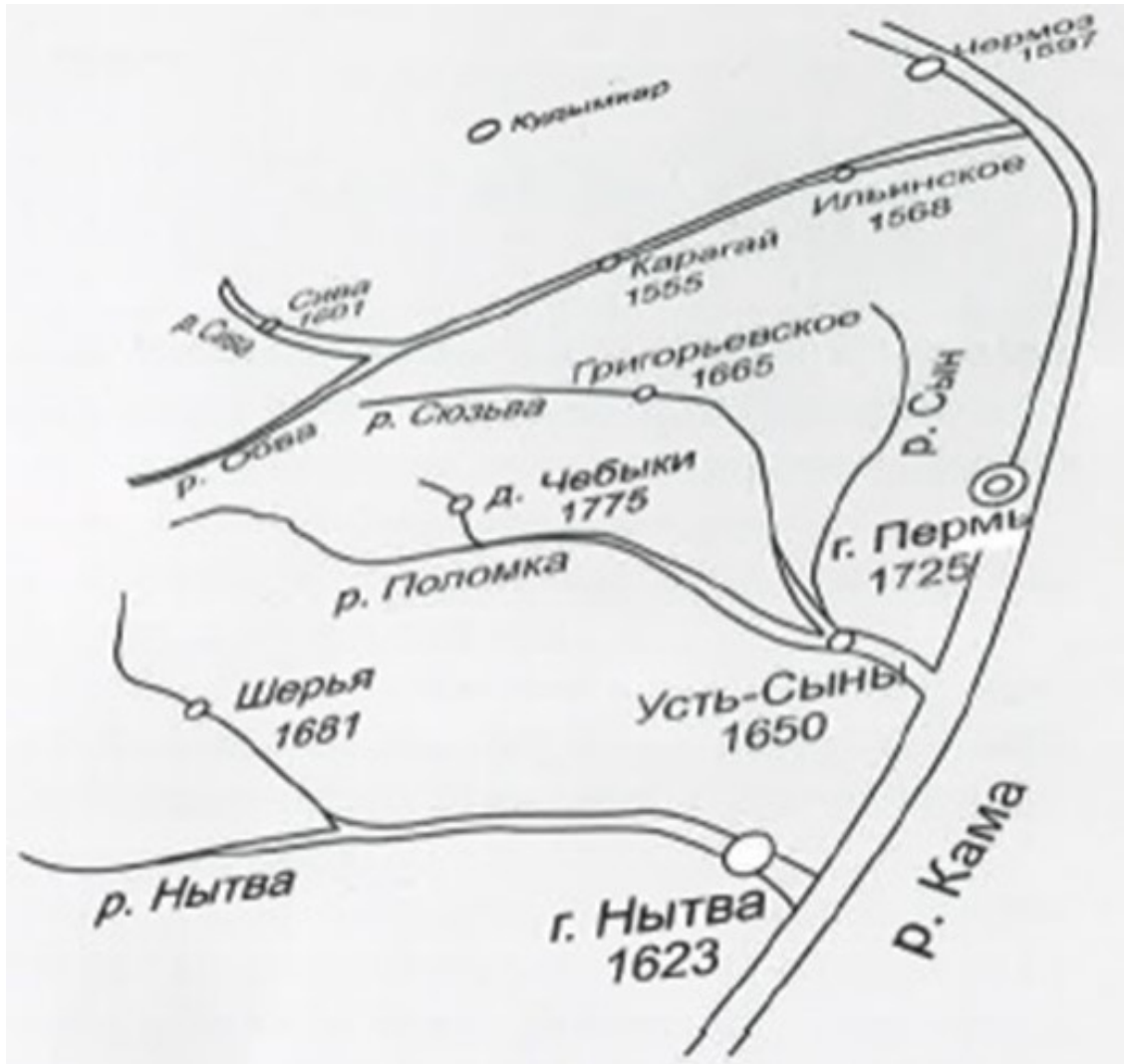
В повести воссозданы исторические картины русской старины, передан колорит деревенского уклада, характерный язык персонажей.

Творчество Александра Чебыкина характерно скрупулезным, бережным обращением с реальными событиями в людских судьбах, в истории государства Российского.

Свидетельства живых участников, героев прошедшей эпохи – бесценны, их значимость год от года возрастает. Важны рассказы о героическом прошлом нашей Родины, о мужестве советских воинов при выполнении интернационального долга в Афганистане.

Главное достоинство книги – ее глубокий смысл, а в конечном счете – право на читательскую аудиторию.

Литконсультант сектора прозы Краснодарского краевого отделения Союза писателей России Б. Т. Бендерюк

Родовая память

І. Обустройство

Калине Чебыкину за участие в передаче пугачевским повстанцам шести пушек объявили приговор – ссылка на поселение. Калину привезли на косогор верхом на лошади с мешком на голове, чтобы не запомнил дорогу.

Оставили лопату, топор, пешню, соль, серные спички, полмешка ржи и котомку сухарей.

Кругом на десятки километров простирался лес, где-то далеко на востоке вниз по реке поднимались над лесом дымки. Вершина косогора была голой, с несколькими кустиками можжевельника.

Калина – долговязый парень, лет двадцати пяти, с тонкой шеей, но крепким торсом, с оспинками металла на лице, светло-голубыми глазами, русоголовый – осмотрелся. Спуски на восток и юг были круты, на запад – положе, позади поднимался увал. На разном уровне из-под вершины угора били ключи. Выбрал западную сторону. На гривке, под липой, вырыл землянку. Хотелось, чтобы на закате, сидя на завалинке, солнышко упиралось в грудь.

На южном и восточном склоне выжег лес и у каждого пенька, отгребая золу, пешней наделал лунок, побросал зерна ржи и присыпал теплой после дождя землей. Таскал воду липовым ведром и поливал всходы. В середине лета у каждого пенька можно было нажать огромный сноп ржи. До свежего урожая питался, чем мог. Ставил силки, ловил в густой траве тетеревов, в речушке ловил рыбу мордой, сплетенной из ивовых прутьев. К осени был со свежим хлебом. По первому снегу пошел искать ближайшее жильё.

Перейдя речушку и пройдя по глубокому оврагу вверх, вышел на косогор, увидел впереди вспаханные поля, покрытые тонким снегом, справа, у кромки леса, две группы домиков на расстоянии друг от друга чуть более километра. Зашел в первый дом, хозяева были дома, солили капусту. Рассказал о себе. Посудачили. Хозяин, рыжебородый старик, пояснил, что знает обо всем этом. Еще осенью пристав предупредил, кто поселен за Илимовой горой, на Верхнегорском угоре.

Сказали, что та сторона относится к Григорьевской волости, а эта к Карагайской. Во дворе сука играла с двумя крупными щенками. Попросил пятнистого. Дед обрадовался – внуки оставили двоих, а куда их сейчас, на зиму глядя. Назвал его Дашей, хотя это был кобель, он верой и правдой служил ему долгие годы.

Вернулся домой, прибрал зерно, подпер дверь и отправился искать дорогу в село Григорьевское. До деревни Кобылий мыс шел чашобой, а далее была ладная дорога. Нашел в селе пристава, объяснил кто, тот сказал: «А мы думали, что ты убег». На что Калина ответил: «Куда бежать, на заводе знают, что мне ссылка, родители давно умерли, родня из заводского поселка после восстания разъехалась кто куда».

Пристав посоветовал: «Женись, заводи детей, раз ссыльный, то налогов с тебя никаких, выкорчевывай, очищай лес, делай пашню и живи».

II. Любовь убегом

Зиму проработал на медеплавильном заводе. К весне потянуло на свой косогор. На заработанные деньги купил лошадь, кое-какую сбрую. Сам был мастер на все руки. Соорудил плавильню и кузню. Руды на горе, в лесу было полно. Наделал инструмента. Рядом с землянкой, у ручья, срубил новый дом. Но с женитьбой дело застопорилось. С округи девки не шли, знали, что ссыльный, боялись. На пятом году, когда стукнуло тридцать, весной приехал на базар, в Карагай.

Увидел, как пьяный, с реденькой бороденкой, подслеповатый мужик вожжами по лицу стегал свою молодую, полногрудую, красивую жену, костерил ее при всех. После чего связал бабе руки сзади, запихнул на возок, а сам подался в бражную. Какая-то сила подтолкнула Калину, подбежал к телеге, припал к бабе и тихо сказал: «Поедешь ко мне?» Она взглянула на него и увидела в его глазах доверие и отчаяние. Ответила: «Развяжи руки, где твой воз?» Калина схватил в беремья, пронес меж возов к коновязи, где стоял его Серко. Приподнял, посадил впереди облучья и рысью выехал с ярмарки. Когда съехали с ежальной дороги на тропу в березняк, Калина спросил:

– Звать-то как?

– Устинья.

– А меня Калина.

Жили душа в душу.

III. Печали и радости

Рожала Устинья каждый год сыновей, но все рождались мертвые, может, от того, что первый муж-изверг сильно бил ее, а может, что другое, только на десятый год родила крепкого здорового парня.

А сама слегла и больше не вставала, а через год ее не стало. Калина растил парня один, малого кормил через рог коровьим молоком да пресной брагой. Федос вырос на загляденье: крепким, сильным, красивым. У Федоса рождались тоже только парни, из двенадцати до совершеннолетия дотянули только трое: Григорий, Михаил, Иван. Иван был последним, вымахал – косая сажень, два с половиной аршина без двух вершков. Голубоглаз, вихри, как сноп ржи, силищи невероятной. На мельнице хватал два шестипудовых мешка подмышки и тащил их по мостикам наверх, для засыпки. Когда подрос, то отцу заявил: «Не хочу жить в дымной избе, срублю себе, как у писаря в селе». И сладил избу десять на десять с большими окнами, огромной печью посередине, железной трубой. Для нижнего оклада навозил листовенницу, и через сто пятьдесят лет, когда пробовали распилить эти бревна, от зубов пилы «Дружба» летели искры. Дерево закремнело. Когда весной во время пахоты отец не стал давать лошадь, то он привязывал десятиметровые бревна к передку телеги и таскал их с горы из леса. Если на Троицу, когда парни выходили стенка на стенку и на кулаках проверяли силу и удаль, втесывались пьяные мужики и начиналась беготня с кольями, то бежали звать Ивана, чтобы унять и успокоить буянов. Иван брал вить с длинным ременным опоясом, широко размахивался по ногам, резко дергал на себя и сразу два-три мужика падали навзничь. Кто-нибудь кричал: «Иван пришел!» Свалку как ветром сдувало. Кто прятался в крапиву, кто застревал в огородном прясле, помолоче белкой взлетали на липы и березы. Иван становился посреди хоровода и просил: «Ну-ка, девоньки, во лузях». С полчаса шел хоровод, но какое веселье без мужской половины. Иван понимал это, махал рукой, хоровод раздвигался. Иван зычным голосом: «Ну, где виноватые?!» Из-под рассадников, из-за углов подходили к Ивану, били земной поклон, просили прощения. Зачинщиков свары Иван знал, обычно это были одни и те же мужики.

Иван грозился кнутовищем и предупреждал: «Еще раз попадешься – высеку». Ивана побаивались, но уважали и любили. Местные девки замуж за него идти боялись, а вдруг при любви невзначай до смерти придавит.

Женился в тридцать три года. В новый дом привез из села Григорьевского дочку волостного писаря Прасковью. Видно, очень приглянулся ей Иван. Больно шустра была невестка.

Все в руках у нее кипело. Год за годом родила двух парней: Прокопия (Проня) и Макария (Марко). Учила их грамоте с измальства. Что-то не поздоровилось и скоропостижно преставилась. Иван очень переживал. Хозяйство, дети – в доме нужна женщина. Иван женился на дальней-дальней родственнице из деревни Жулан, молодой девице Анастасии, хотя ему было уже за сорок.

Как потом призналась, влюблена была в него еще в детстве. Каждый раз на игрищах она молилась богу, чтобы мужики подрались, тогда Иван будет их гонять, а она увидит его в хороводе. Настя была крупная, на четверть ниже Ивана, с толстой светлой-пресветлой косой, синеглазая, с ямочками на розовых щеках. Сильнющая, если дело не ладилось и тянуло на ссору, то Настя хмурила брови и просила: «Давай, Иван, бороться». Могла и ловко дать подножку. Иван не на шутку ее побаивался.

Родила Настя Ивану сыновей: Мелентия (Мелеха) и Самуила (Самко). Росли два здоровенных парня, крепких, ладных. Настя велела старшим братьям учить их грамоте и сама училась длинными зимними вечерами под треск лучины. Но и на этот раз счастье Ивана было недолго. Старшие сыновья уже были женихами, а младшие – отроками. Осень была дождливая, морозы ударили рано. Настя везла от скирды воз мерзлых снопов на просушку в овин.

На спуске с крутяка воз опрокинулся, и заледенелые болванки-снопы пришибли Настю. Три дня помучилась, и не стало Насти. Иван чуть было умом не помешался. В каждом углу дома, в поле, в лесу он видел Настеньку. Старшие сыновья поженились, а младших надо поднимать. Ивану было подшестьдесят, когда он привез с Кобыльского мыса по совету родни тридцатилетнюю деву. Семья была никудышная, рождались у них одни девки и все бестолковые. Из семи девок трое сидели в девках. Иван думал, что девица в годах, хозяйство вести сумеет. Родила она ему двух сыновей: Игнатия (Июня) и Евстафия (Осташа), которые от отца унаследовали силу, а от матери – леность и бестолковость. И начались у Ивана одни расстройства. Выделил паи для женитьбы второй паре сыновей, и в хозяйстве ничего не осталось. Здоровье расшаталось. Иван совсем разладился.

Игнатий построил кое-какую избушку на взгорье, рассчитывая, что с молодой женой заживут, окрепнут и поставят себе дом получше. А так все и осталось. Прожил Игнат со своей женой в избушке с земляным полом, с деревянной трубой над печью из пустотелого ствола. Младший сын Осташа, по обычаю, остался в доме отца.

Женился Осташа на двадцатом году на Федосье, двадцатитрехлетней дивчине из зажиточной семьи деревни Северная, красавице, с голубыми томными глазами, светло-русой косой. В народе говорили про нее «порченная», т. е. в девках была шибко гульной, а это считалось позором для жениха и невесты. Но женой она оказалась толковой, хозяйственной, рукодельницей, знала грамоту. Родила Федосья моему деду Остахе четырех дочерей и трех сыновей – Федора, Егория, Ивана. Все сыновья были похожи на мать и к ремеслу прилежны, а дочери все копия бабушка их, недотепы, небаски. Федор – это мой отец.

IV. Судьбы детей в поступках родителей

У всех дядей и братанов Федора жизнь перед Первой мировой войной сложилась по-разному, в судьбах их переплелись характеры родителей. Осташа женился, когда уже Ивана не было. Братья решили коня, овин отдать Игоне, а за Осташей оставить дом и часть построек. Осташа остался без лошади, так как первые рождались девки, то так и не смог приобрести коня. Дочери ходили на отработки с весны до осени к Проне, за то, чтобы он дал лошадь весной вспахать поле, а осенью свозить снопы на ток. Боронили девки сами, запрягались в борону-сучковатку и таскали ее по полю.

У Прони и Марко оказались расторопные жены. Перетянули их в старообрядческую веру. Построились рядом. Проня был ростом мал, хил, но смышлен и хитер. С помощью приданого жены расстроился. Сам не работал – держал работников. Отгрохал огромный двор пятьдесят сажень на пятьдесят. Держал двенадцать лошадей, шесть коров, два десятка овец, до десятка свиней, с полсотни кур и гусей. Брал в аренду землю у государства и у соседей, у которых не хватало сил ее обрабатывать. Жил зажиточно, на широкую ногу. В батраках у него работала вся родня, все были должны ему. Марко жил скромно, тихо, уединенно. Детей у них не было, и он очень расстраивался, в его глазах всегда была печаль. Очень поздно родилась одна-единственная дочь. Оба брата второй пары также поселились рядом. Самко жену взял из деревни Жулан. Был огромного роста, около сажени, сильный, как отец. Единственный его сын Семион (Семен) полностью повторил отца, такие же светло-белые волосы, нежно-голубые глаза, мощный, крепкий, здоровый, высокий, лобастый. Десятилетним в 1912 году ушел работать молотобойцем на Мотовилихинский пушкарский завод Перми.

Мелеха ростом был пониже. Зимами занимался извозом. На Разгуляе в Перми с родней Прони имел третью часть лавки, где торговали зерном и сбруей. Рождались девки – было семеро. Где-то в Разгуляе среди купцов нашел нагуляную от француза девушку. Решил удивить деревню, привез ее как гувернерку, но от изучения французского в доме стоял рев и крик. В итоге француженка Моня родила Мелехе сына, Федулия (Федула), в котором он души не чаял, до тридцати лет холил, как девушку красную, даже в поле не отпускал пахать – берег, все делали дочери.

У. Скитания и страдания

Федора (Федюню) весной 1912 г. забрали в армию, к этому времени он более года был женат, жена Дарья была на сносях. Вырос мужик на загляденье девкам. Не одна девка сохла по нему.

Среднего роста, поджар, верток, с соломенным чубом, добрыми васильковыми глазами, в которых можно было утонуть. С тонким носом, с широкими ноздрями, прямо лик Георгия Победоносца. Осенью 1913 г. приехал на побывку. Служил во II Московском гренадерском полку по сопровождению правительственных особ. Медаль «300-летия дома Романовых» сияла на новой гимнастерке. Съехалась вся родня. Гостил недолго. На Семенов день уезжал. Мать, братья, сестры, жена с годовалым дитем – пошли проводить до росстани. Поднялись по косогору на пупок – кругом поля, поля, поля. Леса остались только по оврагам и ложбинам. Деревушками были утыканы поля и сколки лесов. Деревушки небольшие, по одному – двум десятков домов. Разрослась округа. Ширь кругом неоглядная.

В конце сентября 1914 года полк был погружен в эшелоны и переброшен в Польшу, под Варшаву. Ежедневные бои, потери друзей, товарищей, земляков. Батальон был весь из Пермской губернии. Первая солдатская награда – Георгий IV степени. В 1915-м под Ломжой полк был окружен, при артобстреле Федора выбросило из окопа. Наджабило шейные позвонки, шея болела всю жизнь. Плен. Пять раз бежал, стремился к жене и детям. Без него Дарья родила второго – отпускного. Каждый раз ловили, били нещадно, до полусмерти, выживал – был молод и силен духом. На спине до старости оставались глубокие рубцы от побоев. После Брест-Литовского перемирия снова бежал. Месяц шел по Германии, обходя населенные пункты, питаюсь грачиными яйцами и молодыми всходами ржи. Добрался до Польши оборванный, в разбитой обуви, оголодавши. В Польше обменял Георгия, которого хранил в козырьке фуражки, на сухари и кое-какую одежду. Поработал у ксендза около месяца, восстановил силы. В товарняках добрался до Смоленска. Здесь военный патруль нашел его в вагоне из-под угля, обессиленного, тифозного. Отлежался в лазарете. Отправили в Москву на переформировку. Летом 1918 года под ударом белых армий падает Екатеринбург. Полк бросают в прорыв. При формировании подружился со Степаном, шустрым отделенным, оказался земляк, из Сивы, который порекомендовал назваться пулеметчиком. Записали в пулеметную команду, где на двадцать человек был один пулемет и тот неисправный. Держали в резерве командира полка. Под Кунгуром полк попал в окружение. Колчаковцы зверствовали. Всех, кто был в окопах – расстреляли. Степан советовал: «Говори, что интендантский взвод, повара». Подъехал бородатый казак, в офицерских погонах, крикнул: «Это еще что тут за красная сволочь – в расход!» Невыспавшийся, с красными глазами, заляпанный грязью унтер попросил: «Разрешите оставить, некому солдатиков хоронить. Белые или красные, а все православные». Черная борода задергалась и сквозь зубы процедила: «Ладно, закапывайте, только раздеть до подштанников, чтобы не разбежались». Повели строем к околице, где слышались выстрелы и крики: «Братушки, за что убиваете?!» Степан и Федор стали в последнюю шеренгу. Унгер, увидев черную в рубцах спину Федора, спросил: «Где это тебя так?» Федор поведал о плене и побегах. «А где в плен попал?» Федор подробно рассказал о последнем бое под Ломжей и что был награжден Георгием за храбрость – вытащил из-под обстрела раненого взводного соседней роты. Унтер побежал к строю, схватил Федора за руку и стал трясти: «Я это был, я помню, что назывался Федором». «Так точно, господин унтер-офицер», – отрапортовал Федор. «Хорошее не забывается, выдь из строя», – скомандовал унтер. Федор, выходя из строя, вытащил за руку Степана. «А это еще кто такой», – закричал унтер. «Отпустите его, земляк мой», – упросил Федор. Федор и Степан в чужом обмундировании хлопотали у походной кухни, кололи старые суковатые чурки и таскали воду ведрами. Ночью решили бежать. Надели чьи-то шинели, прихватили из козел по

винтовке, до восхода солнца направились в сторону Перми. На рассвете из лесочка выскочили на них с десятков конников. Старший потребовал: «Кто такие, откуда, пароль?» Степан отчеканил: «Шомпол». Вечером слышал, как перекликались часовые. Старший заорал: «Пароль вчерашний, это авантюра». Степан спокойно ответил: «Господин есаул, – хоть чин был нижний, – верно, вчерашний, мы вышли вчера, в секрете были». Назвал фамилии командира части, того чернобородого казака и унтера, номер полка. Конник завозмущался: «Что это за разведка, когда по дороге шастает, ну-ка по полю вон до того лесочка, разузайте, нет ли кого в зарослях, а то нам на лошадях по бурелому не с руки».

Степан с Федором проскочили лесок, на опушке в хвост попрятали винтовки. На другой день вышли к реке Мулянка. Ночью по ней добрались до Камы. Прячась за выброшенные рекой бревна, добрались до моста через Каму. Мост охранялся. Пришлось идти от моста подальше. Связали два бревна ремнями и штанами. Легли плашмя на бревна, гребли дощечками. Вода была холодная, обжигала руки. Переправились на другой берег Утром, в Нижней Курье, зашли в крайний дом от берега, чтобы обсушиться и попросить хлеба. Старик со старухой заплакали, что их сын где-то сгинул на фронте, а невестка ушла к родителям. Накормили их горячей картошкой и напоили чаем, заваренным на смородинных листьях и душице. Обоих разморило и, устроившись на лавке, они уснули крепким сном. Разбудил резкий стук в дверь: «Открывайте». Степан и Федор выглянули в окно, по улице рыскали на конях, в бараньих шапках казаки. Бежать было некуда.

Одев подсохшие штаны, схватив нижнюю рубаху и гимнастерку, выскочили на крыльцо. Против них на лошади сидел тот же чернобородый казак, который узнал Федора по иссеченной спине. Ехидно проговорил: «Ну что, добегался, служивый». По улице гнали десятка три парней и мужиков, шла мобилизация в Колчаковскую армию. Степана и Федора связали попарно, сняли сапоги, дали старые дырявые лапти и погнали в сторону Нытвы с такими же, как и они, бывшими солдатами – кто их знает, где они были, у белых или у красных.

VI. Илимовая гора

Небольшие речушки Поломку и Ольховку разделяла Илимовая гора, тянувшаяся от Пашицей до Вертеней. Южные склоны, в сторону Поломки, были круты и обрывисты. Рассекались овражками, поросшими густыми зарослями илима. Северные склоны, в сторону Ольховки, были положе, но верховья водораздела коробились глубокими оврагами, заросшими вековыми елями, а мыски между крутинами – густым ельником. По верху горы шла старинная езжалая дорога: Кошели-Падеры-Казанка-Картыши-Карагай, пересекая железную дорогу в районе станции Менделеево. С Карагая шел тракт на Кудымкар. На взгорье между Жуланами и Платонами, на самом узком месте, поперек дороги окопался красноармейский отряд.

Слева обрывистая осыпь, а справа выходы крутяков – оврагов с плотным ельником. Рядом с дорогой часовня. С колокольни вид во все стороны на десятки километров. Второй день отбивает белогвардейские атаки небольшой интернациональный отряд, сотни полторы бойцов. В отряде были и удмурты, и татары, и русские, и китайцы. Отряд перекрывает дорогу на Менделеево, куда рвутся колчаковцы, чтобы перехватить отступающие по железной дороге части Красной Армии. Перед часовней вся дорога была уложена убитыми солдатами вперемешку с трупами лошадей. Эскадрон Баглая по несколько раз в день бросался в атаку, но напрасно. Два пулемета, расположенные по центру, косили конников как траву. Проня с Мелехой крутились около бивуака, привозили свежее испеченный хлеб, тушеное мясо, капусту, картошку, брагу. Науськивали конников, похваливали, стыдили, что увязли.

На третий день пришел обоз и две роты пехоты. Впереди атакующих, со связанными руками, погнали военнопленных и выловленных дезертиров. Еще в дороге Степан нашел кусочек серпа и надрезал веревки. Федор сказал Степану: «Я эти места знаю, вон на том лобном взгорье моя деревня, сюда в детстве мы бегали на прогалины за земляничкой».

Пулеметчики китайцы заволновались: «Не будем стрелять по безоружным». Командир отряда, старый солдат Иван Журавлев, с костылем подмышкой, уговаривал китайцев, грозился. Приказал сменить хорошо защищенную позицию и выдвинуться с пулеметом на фланги. Пропустить безоружных и ударить с боков по вражеской пехоте. Китайцы кричали: «Это опасно, деньги надо, тогда машинка работает, денег нет – китайца домой идет». Командир вытащил из нагрудного кармана Георгиевский крест, китайцы замотали головами – мало. Тогда он послал своего земляка Кошкина в часовню, тот быстренько притащил крестильную купель и паникадило позолота которых ярко играла на солнце. Китайцы обрадовались. Китаец покрупнее прихватил купель и потащил пулемет вдоль ельника. Установил. Пропустил шеренгу пленных и застрочил по бегущей пехоте. Степан вырвал руки из пут. Федор крикнул: «Бежим!» Сделали несколько скачков вправо и на четвереньках, обдирая в кровь лицо, руки, бока, лезли между молодыми стволами елочек. Через несколько метров пробрались на прогалину. Федор сказал: «Тут есть тропинка», – и нырнул в елушник. Степан за ним. По тропинке сбежали вниз, в овраг. Выстрелов было не слышно. По скалистому дну с перезвоном бежал ручей. Напились, обмыли лицо и ссадины и поспешили вдоль ручья. Своя родная деревня Чебыки была рядом, но там были белые и недруги. Еще когда их гнали мимо бивуака, Федор узнал деревенских мужиков – Проню и Мелеху около возков с провизией. Дождались ночи. Зашли к куму в соседней деревне Наумята. Ни белых, ни красных там не было. Дали им кое-какую одежонку и харчи на дорогу. Решили идти в Сиву, к Степану.

VII. Буйство

В Чебыках во всех домах разместились солдаты. В доме у Прони командование, во дворе штаб. Дед мой Осташа и Сенька Тюнин в 1917–1918 годах входили в комитет бедноты, подались в Пашковские Ямы. Нетронутый огромный лес, в котором не было ни дорог, ни тропинок – глухомань.

Федулка Мелехин на рысаке гонял по деревне и стегал плетью мужиков, которые раньше сочувствовали Советской власти. Заскочил к Осташе, пискляво закричал: «Где Осташа?» Федосья сидела за кроснами, ткала половики. Федулка выхватил нагайку из-за голенища и начал стегать Федосью (тетку свою), приговаривая: «Пашенки захотелось, своим хозяйством решили обзавестись. Не будет этого; как батрачили, так и будете батрачить!» Кофта на Федосье повисла ключьями и, окровавленная, она рухнула с тюрика на пол.

Семен Самко с отрядом белых пришел из Перми. На заводе выступали колчаковские агитаторы: «Записывайтесь в освободительную армию, отныне вы будете жить богато, но для этого надо возвратить старую власть. Каждому будет двухэтажный дом и прислуга». Сенька хвалился: «Уж я погоняю этих краснопузых, решили всех равными сделать. Я при царе двенадцать рублей в месяц получал, каждый раз мог по корове покупать, а сейчас что? Хлеб и тот по талонам. Мне большевистское равенство не нужно с гольтьбой Осташей и Игоней!»

К вечеру третьего дня колчаковцы прорвались по Ильинскому тракту и вышли у деревни Картыши. Ударили с тыла. Перебили всех, а оставшихся в живых пленных расстреляли.

Старший урядник Ощепков велел отделить православных, тех, кто с нательным крестом, от остальной нечисти. Православных похоронили у часовни. Остальных разделили на три кучи: китайцев, татар, красноармейцев. Вырыли три общие могилы. Торопились. Могилы вырыли неглубокие, зато сверху насыпали высокие холмики пахотной земли.

С годами все заросло лесом, а на холмиках до сих пор ни одно деревцо не приживается, только плотным ковром разрослась земляника. Весной ягоды как капли крови алеют в молодой зелени.

VIII. Дороги фронтовые

Федор со Степаном под Сивой попали в красноармейский заградительный отряд. Оттуда на формирование. У Федора снова тиф. Возвратный – сказались скитания и простуды.

Весной 1919 года бросили на Петроград на Юденича, оттуда на Деникина, из-под Новороссийска – на Дальний Восток.

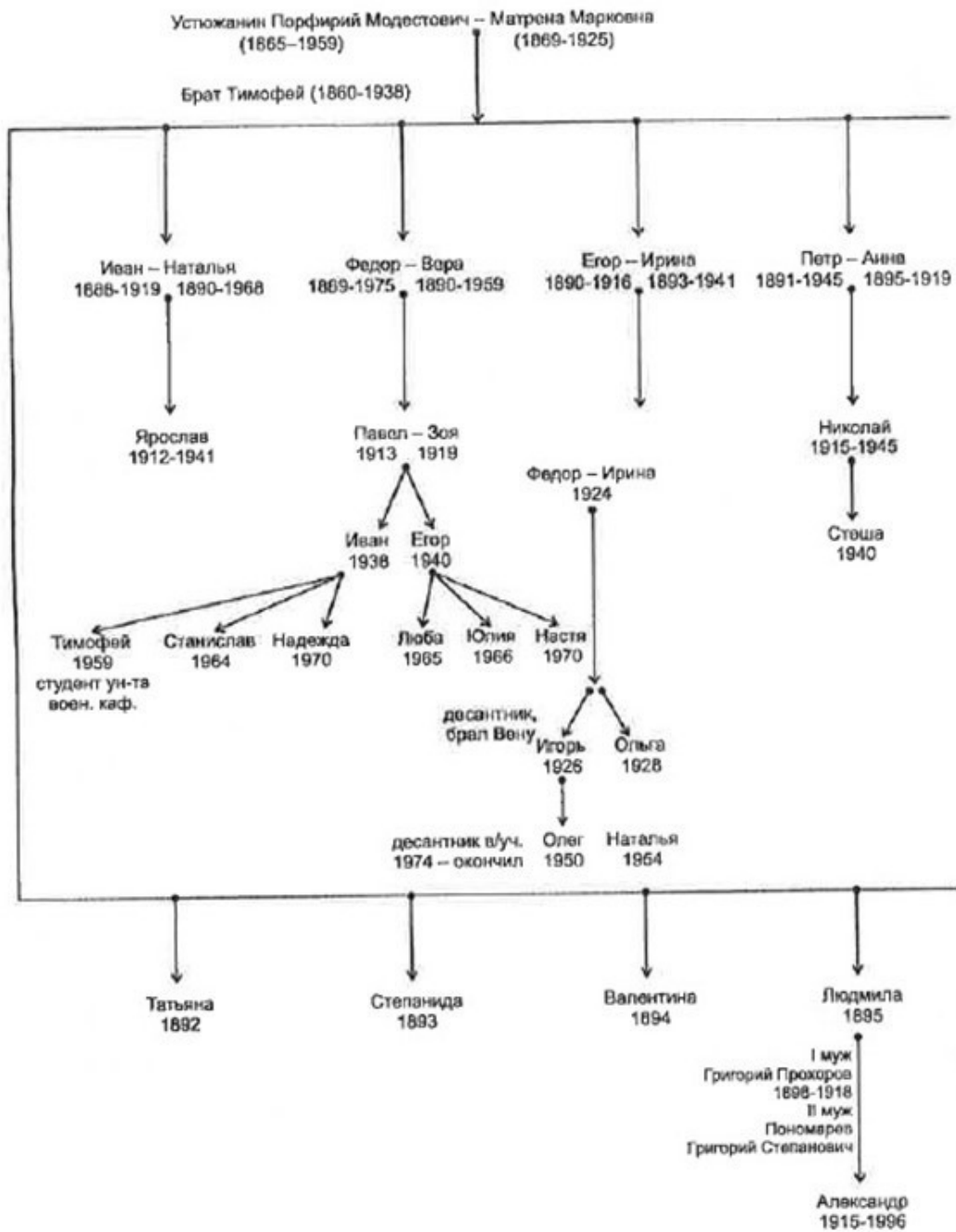
Осенью 1922 года при штурме сопки Волочаевской был изрешечен осколками гранаты. Выжил. Но раны не заживали, гноились. Списали подчистую. Зимой 1922 года прибыл домой. Мать Федосья через день бучила его в деревянной бочке с распаренным овсом и можжевельником. К весне раны очистились и затянулись.

По приходу домой жены в доме не застал. Матушка сказывала, что слюбилась с молодым колчаковским офицером. При отступлении, с девочками 6 и 5 лет, подалась с ним. Братан Сенька Самков, который отступал с колчаковцами до Иркутска, сказывал, что много раз видел Дарью с детьми в обозе.

Под Иркутском полк поднял бучу, перебили сочувствующих Колчаку офицеров и перешли на сторону красных. После этих событий он более не встречал Дарью, как в воду канула.

Закончилась эпопея гражданской войны, крестьянам надо было думать о хлебе насущном, растить детей, одним словом, жить дальше.

РОДОСЛОВНАЯ УСТЮЖАНИНЫХ

Смена эпох

Хозяин

Уральская деревня «Княжий двор» растянулась в один ряд по правому берегу речушки, называемой Пробойная. Добротные дома стояли прижавшись друг к другу, с хозяйственными постройками и огородами, упирающимися в обрывистую гору.

По уральским меркам – это село. Речка Пробойная невелика, в верховьях буйная и сновистая, десятки напористых ручьев впадали в нее со стороны увала. В километрах двух от деревни она врвалась в шумную и говорливую Чусовую. Правый берег Чусовой широкий и раздольный, за ним тянулись зеленые луга.

Дальше виднелись косогоры с плодородной глиной.

На левом берегу густой темный еловой лес, почти непроходимый. Деревенские называли «черный». По оврагам клиньями тянулись тоскливые осинники. Осенью они огненными языками врезались в черноту леса.

Село вековое. Старики сказывали, что на этом месте разбивали стан в 1500 году князя Семен Курбатый и Петр Ушатый, которые ходили походом в Югорскую землю. При возвращении несколько стрельцов остались, женившись на Вогулках и Остячках, отсюда и пошло название «Княжий двор».

Порфирий Модестович стоял у дубовой колоды посредине двора, окруженного конюшнями, сараями. В колоду била тугая струя воды, отведенная по желобам от холма. Ручей был такой напористый, что не давал сковать себя в сорокаградусные морозы. За двором, у реки, баня. С двумя входами: один в парилку, которая топилась по-черному, а другой в мыльню, в которой была сложена печь с дымоходом.

За усадьбой обширный денник для молодняка, чтобы был под присмотром. Во дворе четыре избы пятистенки.

Порфирий и Матрена жили с младшим сыном Петром. Утром на восходе солнца, вечером на закате сыновья и невестки собирались у Порфирия в горнице.

Четыре сына: Иван, Федор, Егор, Петр рождались один за другим – 1888, 1889, 1890, 1891 год, за ними четыре дочери: Татьяна, Степанида, Валентина, Людмила тоже друг за другом – 1892, 1893, 1894, 1895 годы. После Людмилы Матрена Марковна рожать перестала. Бабка повитуха, осмотрев Матрену, сказала: «Больше детей не будет. От тяжелого труда и перенапряжения детородное место опустилось. Работу делать посильную, а то выпадет совсем».

Хозяйство у Порфирия было крепкое: восемь лошадей, четыре коровы, овец штук сорок, стадо гусей и кур. Землю прикупал каждый год, в новых вырубках, у лесничества. Выкорчевывал пни, засаживал овражки молодым сосновым лесом. Наемным трудом не пользовался. Во время жатвы делал помочь.

Приезжала родня из Чусовой и Перми. Кто жал, кто снопы возил, кто молотил, а кто и бражничал.

Дела хватало всем. Одним словом, получался праздник труда. За три дня убирали озимые, потом сутки гуляли. Разъезжались. Расплачивался по совести, поэтому на помощь к Порфирию приезжали с удовольствием.

Сыновья подрастали и год за годом при достижении 19 лет играли свадьбы, чтобы, когда уходил служить, в доме оставалась помощница.

За свадьбами сыновей шли выданья невест.

В течение восьми лет гулянье за гуляньем.

Только отдали замуж последнюю дочь, как в августе 1914-го грянула война с Германией. Четыре сына пошли воевать. Порфирию шел пятидесятый год. Старшему сыну – 26, а младший только вернулся со службы.

Осенью пришла похоронка от Ивана, летом 1915-го от Федора, зимой 1916-го от Егора. Невестки загоревали, у каждой по ребенку, возвращаться домой – а кто там ждет.

Порфирий собрал невесток: Наталью, Веру, Ирину, Анну. Насупился, серые глаза повлажнели, рыжеватая бородачка вскочилась.

Гребешком причесал голову, глухо спросил: «Ну что, девицы, как жить дальше будем? Война разорила многие хозяйства, наше, слава богу, держится, благодаря вам... Главное, что вы не перессорились, не переругались, честно и справедливо ждали мужей. Едва ли кто из вас выйдет замуж, кому нужны с дитем... Подросли молодые девчата, а парней нет и мужиков нет. Война забрала многих насовсем. Матрена моя тяжело болеет. Я еще не стар, порой до немоготы хочется побыть рядом с молодухой. Не бегать же мне по соседским солдаткам, лучше по-доброму навещать кого-нибудь из вас. Анну это не касается, ей положено ждать. Буду ее оберегать, чтобы с честью дождалась мужа».

Наталья встрепенулась: «Извините, Порфирий Модестович, у меня сыну пять лет, стыдно будет перед ним. Дом с Иваном строили для кого, жить собирались. Думаю, нас с внуком Яро-славом не выгонишь. Подрстет, свое хозяйство вести будем».

– Наталья, неволить не буду. Это делается по любви и согласию.

Ирина заголосила: «Да где же ты, мой ясный сокол, Егорушка, да почему тебя черные вороны поклевали, да где твоя могилушка, сизокрылой голубкой полетела бы к тебе. Тятенька, не по мне эти слова. Ждать буду Егорушку. Сколько надо, столько и ждать буду. Дитя растить буду. Папенька с маменькой помогут, они еще молодые, да и я у них одна доченька. Десять лет буду ждать, а дальше как бог даст. Подрстет доченька, замуж отдам, тогда и о своей судьбе подумаю».

Вера опустила глаза, заплакала. Лицо сморщилось. Русая коса свалилась с головы, прикрыла глазенки, заикаясь проговорила:

– Кум Иван пришел с войны без ноги, сказывал, что видел убитого Федора. Идти мне некуда, да и помощи ждать неоткуда, сирота я. Сыну четыре года, растет какой-то хилый и болезненный. Стыдно мне будет перед матушкой Матреной.

– Вера, повитуха сказывала, у Матрены век короток. Да и она сама просила в дом хозяйку привести. Зачем тащить чужую, когда горе свое рядом. Пусть будет по-честному, чем приставать к вам. И вам бы было противно и мне неприятно. Давайте обговорим, как жить дальше – одним хозяйством или поделимся на четыре отруба.

Наталья, высокая, зеленоглазая, краснощекая, с темными волосами, закрученными в узел на затылке, затараторила: «Бабоньки, сестрицы, и слава Богу, что решили полюбовно. Пересудов на селе не будет. Пока страна бедствует, думаю, лучше оставаться одной семьей, так лучше выжить. Пусть Порфирий Модестович ведет хозяйство и оберегает нас от сплетней. Сообща выстоим. Дети попривыкали друг к другу и разрывать их ни в коем случае нельзя».

Один мужик на такую большую семью.

Порфирию стало тяжело тащить такой огромный воз. Пришлось лишиться четырех лошадей, двух коров и трех десятков овец. Оставили две дюжины гусей и столько же кур.

Без лошади в деревне никуда: ни пашню вспахать, ни хлеб убрать, ни дров, ни кормов на зиму заготовить, ни на базар, ни в больницу съездить.

Поруха

Пришла февральская революция. Как жили люди на селе, так и продолжали жить, никаких изменений, только появились какие-то комиссары при галстуках, которые агитировали, чтобы крестьяне сдавали хлеб государству по твердым ценам, объясняя, что нечем кормить солдат и заводских рабочих. Деревенские возмущались: «Своего хлеба еле-еле хватает от урожая до урожая. Тряхните помещиков, у них амбары ломаются от зерна. Приготовили за границу везти, на золотишко менять».

Сорвалось июльское наступление. В селе появились солдаты-беженцы, которые митинговали: «Хватит, повоевали, вшей покормили. Ради кого? Царя убрали, а приспешники остались». В октябре прошла новая революция в Петрограде... Из Чусовой приезжали большевики – разъясняли: «Отныне власть должна принадлежать народу, фабрики рабочим, а земля крестьянам».

В селе собрался сход. Долго спорили, кричали. Заводов и фабрик в селе не было. Многие работали в Чусовой на металлургическом заводе, в Мотовилихе и на артиллерийском. С землей было ясно: помещичьей земли не было, только общинная, но многие крепкие крестьяне прикупали в лесничестве. Было решено всю землю перевести в общественную и нарезать по едокам.

Порфирий Модестович особо не горевал, что землю урезали. Мужиков в хозяйстве не было и землю обрабатывать было некому. Дальние клинья года три не обрабатывались и стали зарастать мелколесьем.

Вопрос о власти оказался самым сложным. Раньше в селе было волостное управление, в которое входили: управляющий, писарь и полицмейстер – и вся управа. Сейчас решили избрать Совет из десяти человек: от каждой большой деревни по человеку, а от села – два, кроме того председатель, секретарь и оперуполномоченный.

Помучились в выборе председателя. Каждому хотелось быть у власти. Наконец остановились на кандидатуре – Никифоре Горюшкине, ядреном мужике в годах, с темно-кариими глазами навывкате, задубелым лицом, с широкой продольной лысиной, многодетный, воевал, урядник, два георгиевских креста, образован – четыре класса сельской школы. Сообразителен. За словом в карман не лез.

Правление собралось на первое заседание. Власти много, а денег в казне ни копейки. Старые николаевки и керенки никто не берет, если только на память, керенки тем более никому не нужны – мешками стояли в сенах.

О новых деньгах только слышали. Судили – рядили, решили выпустить свои деньги. Учитель математики Христофор Никитич запротестовал: «Во-первых, где мы их напечатаем, нужна гербовая бумага, специальные краски. За бумагу, краску, работу надо платить. А чем мы рассчитываться будем... Поживем пока на товарообмене, как говорится, «баш – на баш».

Пока спорили, в избю забежал Ванятка, сын Никифора, объявил: «Федор Устюжанин вернулся». Правленцы повскакивали побежали к дому Федора. У крыльца дома с вещевым мешком за спиной и суковатой палкой в руке, без шапки, с обострившимся носом, бледный-преблдный стоял Федор, держа за руку сынишку Павла. Около ног крутился, повизгивая, крупный пес Задира. Ухватившись за косяк сенок, на коленях стояла Вера. Из дома вышел сникший Порфирий Модестович, утирая лицо шапкой, загундосил: «Что собрались, идите по домам, вечером будем радоваться возвращению Федора. Ну, сын, здравствуй! С прибытием тебя на родину. Сын истосковался по тебе. Ты нас с Верой прости. Вина моя. Грех на мне. Заходи, дом твой, семья твоя. Я тихонько со старухой век доживу. Думаю, не бросите. Зайди к матушке, двери рядом. Не встает она. Плачет целыми днями по сыновьям и горюет, что век у нее оказался коротким».

– Спасибо, отец, на добром слове. Но в этот дом я никогда не зайду – испоганен он. Великий грех эго, когда отец с невесткой снюхались. Я ее понимаю, горе да страх заставили пойти на пакость. Сына хотелось на ноги поставить, одна бы не осилила. Ну, бабоньки, пока шел от деревни к деревне, люди порассказали где правду, где и неправду, а в сущности горше этой правды не бывает. Зла не имею. Вы, отец, с Верой живите и далее. Павлушу я забираю. Ты еще молодой, с Верой сладите дитя, если захотите. Ну, молодушки, кто возьмет меня в мужа, конечно, кроме Анны. Петр у нее где-то затерялся. Говорят, была весточка – живой. Наталья, знаю, однолюбка. Когда была девчонкой, много парней сватались, но одного Ивана и привечала. Красавец был, высок, статен, русые волосы кудрявились. На поединках мужиков и парней по очереди на лопатки укладывал... Сын Ярослав лет через пять настоящим мужиком будет. Ирина, выходи за меня, знаю, что обещала Егора ждать десять лет, но селяне сказывали, что видели, как его снарядом разнесло, хоронить было нечего.

– Федор, кум Иван Пестерев тоже рассказывал, когда калеченый с фронта пришел, что видел, как тебя убило.

– Ирина, правда так было, меня тогда сильно контузило. Когда похоронная команда тащила в братскую могилу, я застонал. Ума хватило уживодеров не закопать. Год провалялся в госпитале. Не двигался, полгода под себя ходил. Ни рукой, ни ногой пошевелить не мог. Не говорил. Память отшибло. Когда выписали, полгода ходил побирался и мычал. Никак вспомнить не мог, откуда я, но почему-то тянуло в эти края. Случайно на ярмарке в Карагае встретил кума Сеньку Тюнина. Признал его. Как молнией ударило – память открылась. Домой боялся появиться. От него слышал, что меня давно похоронили. Полгода у него проработал, пока речь не восстановилась. Просил, чтобы никому не говорил, кто я и откуда. Наконец решился домой податься. По сыну сильно стал скучать, каждую ночь снился и звал меня. Так что, Ирина, выходи за меня замуж, а я пока у дяди Тимофея поживу, сестриц проведаю. Не тороплю. Дети привыкли друг к другу. Разрывать их не хочется. Пусть растут вместе.

В мае 1918 года Федора мобилизовали в Красную Армию. Он объяснял председателю сельского совета Никифору Горюшкину: «Какой из меня вояка, после контузии до сих пор руки дрожат, да и память иногда проваливается». Никифор уговаривал: «Федор, мужиков нет, половину на войне поубивало, вторую половину испанка и тиф унесли. Пойми, некому службу нести. В Сибири адмирал Колчак появился. Тут по железной дороге от Перми до Хабаровска чехи, под командованием генерала Гайды, взбунтовались. Пойдешь в обоз. Кто-то должен за лошадьми ухаживать. Сын пока побудет у матери, да и Ирина присмотрит. Она к тебе душевно относится».

В Покров день в «княжий двор» вошли чехи. Арестовали членов правления и отправили в Пермь. По дороге Никифор Горюшкин сбежал. Через неделю на взмыленном жеребце прискакал Петр, в чине урядника, откормленный, мордатый, копия Порфирий. За несколько шагов несло самогоном. Рыжие усы без конца заправлял за уши. Сестры и невестки прибежали посмотреть. Хохотали, глядя на Петра. С насмешкой говорили: «Петька, не смейся людей, посмотри на себя в зеркало – на мороженого таракана похож».

Порфирий Модестович попросил сына зайти в дом. Выговорил: «Сынок, забыл обычай дедов и прадедов, в первую очередь должен зайти в дом к отцу с матерью, а потом к жене и детям. Верой и правдой служил царю и отечеству – это похвально, царя скоро год как нет. Кому сейчас служить? Колчак он и есть Колчак – не наш, чужой, как Троцкий, Свердлов и другие правители. Ни тем, ни другим дела до нас нет. Больше о своем месте коронном думают. Слышали, что Колчак зверствует, так и ты в этой шайке прислужничаешь. Мужики тут установили свою власть – вроде получается ладом. Земли хватает всем. Кому мало – пусть в вырубках пни раскорчевывает и пашню заводит. Смотри сам, не маленький. На твоём месте лучше бы в тайгу ушел, смуту переждал. У нас там за Чусовой, в расщелине, с кумом Филимоном охотничья избушка есть, перезимуешь».

– Нет, батя, я присягу давал адмиралу. Платят – хорошо. У нас вагоны забиты золотым запасом России. Анне пригоршню драгоценностей привез, пусть порадуетя.

– Смотри, сын, воля твоя. Запомни: на чужое богатство не зарься, быстро уплывает. Из-за него можешь и в прорубь головой угодить. Что у нас есть – это своим горбом заработано, поэтому и крепко наше хозяйство стоит.

– Отец, может в чем-то ты и прав. Говоришь об обычаях, а где это было видно, чтобы свекр к невестке подвалился. В проруби тебя, батя, надо тоже топить.

– Петр, многое ты не знаешь. Мать лежит не встает: Федора кум видел, как Федора хоронили. Вера сирота. Кому с дитем нужна... не хотелось хозяйство рушить. Не по злему умыслу, а в общем семейном совете было решено. Одно плохо – поторопились. Надо было годик подождать, потерпеть маленько. Но сейчас ничто не вернешь, что произошло, то произошло. Вернетесь с Федором со службы, думаю, нас с матерью не бросите. Только как замиряться будете, один у белых, другой у красных. Не порубали бы друг друга.

– Не порубаем, братья все-таки, И тот, и другой пошли служить не по доброй воле. Выкарабкаемся. Обживемся. Лишь бы неразбериха эта быстрее кончилась.

Враги

На другой день Петр ускакал искать своей доли, а мог бы и остаться, попрыгаться. Дождаться, когда заваруха кончится. Жажда выделиться, жажда свободы действий, жажда наживы выгалкивали его из родного дома.

Красные отступали. Оставили Чепцу. Отходили на Глазов. Обоз, в котором был Федор, зашел в большое село Кестым. Попросили разрешения у председателя Совета остановиться. Надо было обиходить раненых, многие возницы пообмораживались, поовшивели, затопили баньки, пообмылись. Старший по обозу Спиридон Петелин настоял: тяжелораненых оставить в селе, так как от неподвижности могут замерзнуть в дороге. На другой день, с восходом солнца обоз выстроился на сельской улице. В это время в село ворвалась колчаковская конница, с ходу рубя возниц, которые спокойно поправляли упряжки, не подозревая о беде. Кто рано утром разберется – белые или красные это. Федор успел спрятаться за высокий облучок саней. Он вез Пермские архивы Советских декретов. Хорошо, что кобыла Вятка оказалась спокойной, а то могла бы забить копытами.

Сотня проскакала вдоль обоза, возвратилась обратно, продолжая рубить разбегающихся ездовых.

Наконец пыл у колчаковцев поостыл, валяющие у повозок разрубленные тела оказали свое действие. Конники ездили вдоль обоза и вытаскивали оставшихся в живых из-под саней и спрятавшихся под пузами лошадей людей. Из тридцати ездовых осталось в живых шесть красноармейцев. Старший сотни, с окровавленными руками, озверелыми глазами, подскакал к жавшимся друг к другу, перепуганным крестьянам.

Зло спросил:

– Кто тут старший?

– Порублен.

– Что, свободы захотелось, вон она – вечная свобода на небесах, – показывая нагайкой на убитых ездовых.

Федор вышел вперед, прихрамывая.

– Мы что, по доброй воле в обозе, если бы не пошли, то расстреляли бы . . . точно. Смотрю на ваши знаки отличия и нашивки, господин вахмистр, может в одной дивизии были: немца били, нашего общего врага. А сейчас один другого убиваем, а германец лютует и радуется. Это же противоестественно – брат идет на брата, сын на отца. Мы же не с оружием в руках, за что мужиков порубали? Мы как красных, так и ваши пожитки могли везти.

– Ишь, растяжался. В расход их! Лошадей с обозом передать тыловикам.

По улице проезжал конвой, сопровождая в кошевке важного господина. Двое конвойных остановились против пленных, один соскочил с коня и бросился к Федору со словами:

– Братан, Федор, как ты тут оказался?

– А ты как?

– Что тут у вас случилось?

– Сам видишь, обозников порубали. Не пойму, в чем наша вина. Мы не по доброй воле мобилизованы.

– Федор, погодь маленько. Я сейчас.

Петр догнал конвой, что-то доказывал, размахивая руками. Вернулись с командиром конвоя, штабс-капитаном, с обвислыми усами и воспаленными глазами.

Штаб-капитан резко обратился к командиру сотни:

– Сотник, удаль надо показывать в бою, а не воевать с обозниками. У нас не хватает людей, народ настроен против нас. Что, от попусту пролитой крови голова закружилась? Кре-

стьяне села видели – это безобразие. Как ты думаешь, после этого чью власть они будут поддерживать и за кого воевать пойдут – конечно за Советы. Соображаешь, рубака? От имени члена правительства российской империи и адмирала Колчака приказываю отпустить военнопленных вместе с лошадьми и повозками. Да не забудь дать расписку, что возвращаются по болезни.

– Слушаюсь. Писарь, ко мне. Дай им бумагу и пусть проваливаются и более не попадают.

Сотня ускакала за село. Федор руководство взял на себя. Заставил оставшихся в живых собрать и погрузить на сани порубленных мужиков. Побитые были или «княжьего двора» или соседних деревень.

Обоз из тридцати подвод, с нагруженными окоченевшими на морозе земляками, двинулся в обратный путь. Братья попрощались. Петр просил у Федора прощения, говорил, что хотя его прямой вины в этом избиении нет, но тяжесть содеянного лежит на его совести. Обратного пути нет. Слишком запятнал себя бесчестием. Сейчас один путь – или пан, или пропал.

Слух, что колчаковцы порубили обоз, быстро разлетелся по Прикамью. Население к колчаковцам стало относиться враждебно.

Обоз встретили в Верхней Курье. Приехало более полусотни подвод. Разбирали родных и близких. Плач стоял такой, что было слышно на другой стороне Камы, в Перми. В «Князьем дворе» сорок дней справляли поминки. Народ возмущался: «Германец не убил, так свои злыдни жизни решили».

Федор погостил у сестер, дольше задержался у младшей Людмилы, синеглазой красавицы, с льняной косой, бойкой и гибкой. Муж, Григорий Прохоров, погиб в 1918 году под Псковом, защищая молодую республику Советов. Сынишка Павел целыми днями крутился около отца: не отставал ни на шаг. Помог сестрице по хозяйству, которое за время войны нарушилось. Сын Алексаха был мал и несмысленн еще. Приходила поиграть с Шуриком племянница Лена. Часто спрашивала: «Дядя Федор, почему к нам не заходишь, у нас с мамкой кругом дыры в хозяйстве».

– Если приглашаешь, то приду, а мамка против не будет?

– Нет, не будет. Она говорит, что хорошо бы было, если дядя Федор пришел и немного помог.

В воскресенье Федор зашел к Ирине вместе с детьми. В доме чистота, как на Пасху. Федор спросил: «Ирина, давай работу, а вообще-то сам вижу, где что надо поделывать. Пока снег в поле, перекрою конюшню, а то на крыше доски прохудились, косяки в доме заменить надо». Федор провозился дотемна. Вечером Ирина предложила: «Куда на ночь глядя пойдешь, оставайся, ночуешь с нами, места хватит. Ложись в горнице, а я с детворой на полатях».

Наработавшись за день Федор еле доплелся до кровати. Дети наперебой заспорили, кому спать с Федором. Павел – я с папкой, Елена – и я с дядей Федей.

Федор попросил: «Ну-ка без спора, оба в кровать, один справа, другой слева». Ирина ночью несколько раз вставала, смотрела на спящую троицу в бликах яркой луны и радовалась.

Ирина и Федор день от дня более и более привыкали друг к другу. По утрам вскакивала, заглядывала в горницу, боялась, а вдруг там не окажется Федора.

Колчаковцы то приходили, то уходили.

На масленицу 1919 года в «княжий двор» снова вошел отряд колчаковцев. В дом зашли два солдата с винтовками и потребовали, чтобы Федор явился в управу. В управе собрали мужиков сорок: у которых родственники ушли с красными, туда же притащили тяжелораненых, которые по мобилизации воевали за Советскую власть, и шестерых мужиков из посеченного обоза.

Два дня держали в неотопливаемом амбаре. Многие пообморачивались. Бабы тащили еду, валенки, полушубки. Март. Днем солнышко пригревало, на крышах таял снег, свисали сосульки, а ночью подмораживало.

На третий день кто-то пустил слух, что пришло распоряжение – мужиков расстрелять. У амбара собрался народ: стар и млад. Оттеснили часовых, которые начали стрелять в воздух. Селяне кричали: «Нелюди, за что невинных мужиков арестовали!»

Прискакал конвой, около двух десяткой всадников. Начальник конвоя, унтер-офицер, приказал: «Высечь и выпустить». Солдаты на выходе срывали полушубки и два здоровых казака семиреченца пластали ногайками слева и справа, кому как доставалось: одним три – четыре удара, другим поболее. Арестованные хватали полушубки и с исполосованными спинами скатывались с крыльца.

Мужики вечером собрались у Федора. После долгих споров решили, что оставаться в селе нельзя. Слышали, что белогвардейцев побили под Сарапулом и они отступают. При отступлении враг всегда звереет, может и их порешить. Постановили ночью уйти в горы, на летние стойбища, по пути посчитаться с белогвардейским отрядом. Собрали оружие. Набралось двадцать винтовок, три нагана. Патронов оказалось маловато – по две обоймы на винтовку.

У Алеши Миколина нашлось несколько пашек тола. Разузнали, что отряд утром будет уходить из села. Обдумали, что как только отряд взойдет на мост через Чусовую, подорвать настил с той и другой стороны, самим разделиться на две группы и вести огонь по вражинам с той и с другой стороны. Так и сделали.

С выходом отряд задержался. Мужики в засаде перемерзли, хотели уже бросить затею, как увидели выходящий отряд, с награбленным добром, перекинутыми переметными сумами через крупы запасных лошадей. Передние лошади были уже на той стороне, а обозу не было конца. Федор дал выстрел из винтовки... и почти одновременно громыкнули два взрыва.

На той стороне бревна разнесло шириной метра на три, а на этой, видимо, заряд оказался слабее, только несколько бревен полетело вниз. Лошади заржали. Началась толчея, животные прыгали с большой высоты и разбивались о лед, некоторые всадники спрыгивали с коней и стали пробираться обратно, другие разворачивали лошадей и сминая других пробивались назад. Началась паника. Не успевшие заехать на мост поскакали обратно в село. Селяне вели огонь по убегающим белогвардейцам. У берега взорванный мост зиял огромной дырой. Кони фыркали, пятились назад. Казаки спешили и прыгали с трехметровой высоты в глубокий снег.

Карабкались на берег и становились отличной мишенью. Огонь велся беспорядочно. Многие мужики и ружья в руках не держали, тем не менее два десятка убитых валялось на льду и крутом берегу реки.

Белогвардейцы побросали награбленное добро, отстреливаясь, уходили на другой конец села и переправлялись на ту сторону Чусовой по пешеходному мосту. Княжане не стреляли по отступающим. Были рады, что те отправляются восвояси. Те, которые замешкались на мосту, попали в плен.

Сопротивленцы собрали убитых. Семерых тяжелораненых одинокие бабы забрали по домам, легкораненых отпустили догонять своих.

Убитых хотели похоронить на кладбище. Бабы запротестовали: душегубам не место на общем погосте. Решили похоронить за селом около скотного могильника. Заставили пленных рыть котлован. Земля за зиму промерзла глубоко. Пришлось целый день палить костры и только на другой день трупы опустили в яму. Батюшка отпел за упокой каждого в отдельности.

Долго рассуждали: ставить или не ставить крест. Староста церкви Семен Семенович Кайгородов настоял – ставить, они православные.

После похорон встал вопрос, что делать с пленными.

Если расстрелять, тогда кто будет им рыть могилы. Один из пленников, бородатый старовер, обратился к селянам: «Винанаша, что вели себя безобразно, не по-христиански, но не все, большинство выполняли приказы. Навоевались мы досыта с германцем и в снегу замерзали, и в окопах по пояс в поде сидели, и вши нас съедали, контуженные и израненные, тифом и

испанкой переболевшие. Силой нас забрали не по своей воле. Дома ждут семьи, малые дети, кругом безотцовщина. Смилюйтесь над нами».

Федор поднялся на чурбак: «Мужики, угомонитесь! Потише. Верно солдат говорит. Отпустим их с миром».

Старообрядец замахал шапкой.

– Если и отпустите, никуда мы отсюда не пойдем. Обрато... снова в бой бросят. Погибать за чужие грехи не хотим. Оставьте нас тут в работниках, у солдаток, пока эта неразбериха перемелется. Уйдет злоба. Народ успокоится. Тогда и решим, кому куда податься. Может кто из нас тут навсегда захочет остаться.

Решили запереть их в том же амбаре, до приезда председателя Сельского совета Горюшкина Никифора.

За Никифором в горы отправили охотника – лесовика Кирилла Веревкина, с запасной лошастью. К вечеру они вернулись. Горюшкин слышал взрывы и стрельбу в селе и спешил домой и по дороге встретил Веревкина, который подробно рассказал о событиях в последние дни.

Никифор собрал баб-одиночек. Предложил право выбора работников тем солдаткам, у кого мужа погибли и малые дети. Бабы поспешили к амбару.

Никифор заволновался, вдруг крепких солдат разберут, а никудышные останутся, что он будет делать с ними, куда их.

Прокричал: «Бабы, остановитесь! Брать по жребью, а потом можете поменяться друг с другом».

Через десять минут в амбаре никого не осталось. Белые отступали, им было не до «Княжьего двора». В ночь на Пасху по селу проскакал всадник, накрытый буркой. Погода с вечера стояла квелая, село обступил туман. Наездник спешил у дома Петра, Возвращаясь с Пасхального богослужения, бабы видели, как от дома Анны отъезжала крытая кошевка, а рядом с ней всадник, лицо которого было закутано в башлык. Заехали во двор Порфирия Устюжанина, побыв там недолго.

Вскоре повозка и всадник умчались за село. Утром по селу пошли пересуды. Во всаднике многие узнали Петра. Ирина забежала в дом и сообщила, что скотина во дворе Петра беспокоится, двор раскрыт, а в дверях дома батог стоит. Федор быстро собрался и пошел на подворье братана.

У крыльца встретил отца, который предупредил его: «Федор, не волнуйтесь, ночью Петька приезжал, Анну забрал с собой, а сынишку Колю у меня оставил. Сейчас у меня сидит, слезами умывается. По матери скучает. Отца подзабыл, мал еще, ничего не понимает. По совети и я в этой катавасии ничего не соображаю. Куда бежать от дома, никак не пойму. Беда, она и в чужом краю найдет. Парня бросили, сиротой оставили. Мне его на ноги не поставит. Стар я уже, Федор. Силы меня покидают».

– Ладно, батя, давай скотину накормим, бабы пусть коров подоят, потом будем решать, что делать.

На Троицу в село вошел небольшой отряд красных. Командиром отряда оказался кум с Мотовилихи, Федос Гуцин, Никифор Горюшкин обнялись с кумом, пошли в избу к Федору.

Решили собрать сход. Слово взял Никифор, как и положено председателю сельского совета, за ним выступил Федос Гуцин, который рассказал о задачах новой власти, объясняя, что изъятие запасов хлеба – это явление временное, рабочих на заводах и армию надо кормить, а товарообмен не налажен. Нечем пока молодому государству платить крестьянам.

Германская и гражданская война унесла не одно поколение. Фабрики и заводы сейчас бесхозны. Чтобы наладить производство, нужно время.

Главное – новая власть без кровопийцев и живодеров.

Что заработаем, то и будет наше. Чтобы удержать эту власть, нужна крепкая армия, в которой бы служили преданные своему народу люди. Если не мы, то кто же? Или вы хотите, чтобы вернулись колчаковцы, издевались и измывались над вами. Я думаю – нет. Следом выступил Федор. Напомнил, как беляки порубали односельчан-обозников и издевались зимой над ними.

Десяток мужиков старшего возраста и двое подростков записались в отряд.

Никифор добавил: «Записывайтесь, мужики, лучше добровольцами, чем по повестке. Власть установится, все равно будут забирать в армию по законам защиты революции от классового врага и обороны государства от интервентов». Ввиду того, что Федор имел опыт войны с германцем, новобранцы избрали его командиром взвода. Отряд отправили в Пермь на переформировку в Красные казармы. Через две недели учебы кое-как обмундировали. Младшим командирам выдали новое обмундирование из царских запасов.

Погрузили в эшелон и 4 июля 1919 года бросили в бой с колчаковцами под Екатеринбург.

В конце октября взвод Федора Устюжанина в составе Уральского полка ввели в прорыв развалившегося Колчаковского фронта.

В начале ноября завязались бои за Омск. Полк пробивался к городу. 10 ноября шли ожесточенные бои в пригороде. 14 ноября 1919 года Уральский полк выбивал противника из центральной части города.

Взвод Федора вытаскивал из особняков засевших там колчаковцев. Из одного красноармейцы его взвода вывели группу белогвардейцев с чемоданами и мешками. Старший конвойной группы, матрос в бушлате, перепоясанный крест-накрест пулеметными лентами, маузером подталкивал пленных, покрикивал: «Бандиты! Грабители! Мать вашу так! Со своим барахлом вон в том овражке уляжетесь на вечные времена». В группе Федор узнал Петра. Подойдя вплотную к матросу, потребовал: «Браток, отдай-ка мне вон того последнего, признал я его. Пермский мироед с соседней деревни. У меня с ним личные счета, поквитаться надо».

– Бери! Не жалко. А барахло куда буржуйское?

– Да вон бабы пусть забирают за бутылку самогона.

– Дело говоришь, служивый.

Какая-то старушенция вытащила из под подола литровую бутылку с мутной жидкостью.

– Вчера в деревне выменяла. Гольный спирт.

– Пойдет, бабуса. Победу надо отпраздновать, дружков помянуть. За неделю боев много братвы полегло.

– Земляки, забирай своего, расписку не надо. Тут и этих хватит рассчитаться за друзей.

Федор подошел к Петру и хотел прикладом врезать с челюсть, но воздержался. При красноармейцах – без суда нельзя. Командир все-таки новой Советской власти.

Сквозь зубы процедил: «Что же ты, браток, оказался таким вонючим, на чужое добро позарился. Если бы не я – лежал бы ты в обнимку с чужим женским бельем в канаве на съеденье бродячим собакам. Подонком был – подонком и остался. Унтерские-то погоны и кокарду сорви, да френч офицерский скидывай. Одним словом, раздевайся догола и переодевайся в солдатское».

Федор наблюдал, как Петр неохотно снимал френч и хромовые сапоги, медленно стягивал нижнее шелковое белье. Поинтересовался: «Где Анна?»

– Под Омском от тифа умерла.

Федор доложил командиру полка, что в соседней части случайно встретил родного брата. Пусть послужит в его взводе. Командир дал согласие. Встреча братьев проходила на глазах солдат его взвода.

В бою они приглядывали за Петром. Не дай бог стрельнет в брата. Петр машинально исполнял солдатские обязанности. Ходил в атаку, стрелял. На привалах отмалчивался. Ста-

рался реже попадаться на глаза брату. В декабре 1919 года, под Иркутском, Петра ранило в ягодицу. Солдаты посмеивались.

– Не ходи в атаку попой вперед.

Рана загноилась. Пришлось отправить в лазарет, там прихватил тиф. В марте 1920 года еле-еле выздоровевшего Петра отправили домой.

Возрождение

Под Спасском-Дальним Федор Устюжанин командовал ротой. Командир части Игонин Петр Дмитриевич предложил Федору поехать учиться в Новосибирск на командирские курсы. В январе 1923 года Федор Устюжанин приступил к занятиям в школе среднего командного состава. С первых дней занятий почувствовал, что для освоения преподаваемого материала знаний 4-х классов сельской школы недостаточно. Попросил разрешения у командования посещать вечернюю школу рабочей молодежи. Науки давались легко, сказывалась крестьянская хватка. За год освоил программу 5-7 классов. По завершении командирских курсов получил документ об окончании семилетки. Направили в Хабаровск, на должность командира стрелкового батальона.

По прибытии в штаб округа написал рапорт о предоставлении отпуска. В 1924 году перед майскими праздниками прибыл в Пермь. Заехал в Чусовую, встал на воинский учет. Военком оказался сослуживцем по Пермскому полку Предложил – если хочешь, то походатайствую о переводе в Пермь. Согласился. Фактически на службе двенадцать лет. Сына не видел пять лет. Рос то у сестры, то у Ирины. Им, одиноким, не сладко приходится.

Вести летят быстро. В «княжьем дворе» знали, что Федор командир Красной Армии и занимает высокий пост.

Военком дал свою бречку. Федор смеялся: «Что везти! Пару белья, кусок мыла, опасную бритву, да подарок сыну – штаны, которые выменял в Свердловске на махорку из командирского пайка».

За околицей Федора встречали сестры: Татьяна, Степанида, Валентина, Людмила с детьми.

Людмила представила вновь обретенного мужа Григория Пономарева. Федор знал его по Чусовой, жену его, активистку Советской власти, колчаковцы порубили. Детей не успели завести. Говорят, на шестом месяце беременности была. Григорий долго горевал. И вот нашел вою судьбу, случайно встретив Людмилу в Чусовой в райсовете, где он тогда работал.

Вера и Ирина стояли рядом, а между нами повзрослевшие, ухватившись за руки, Павел с Еленой. Вера подталкивала Павла и повторяла: батька твой, беги, встречай. Павлик побежал навстречу, за ним дюжина детворы: племянники и племянницы. Федор соскочил с бречки, захватив вещмешок. Крикнул вознице: «Можешь разворачиваться и ехать домой». Подумав, сказал: «Нет, постой, заезжай во двор, погости немного с нами».

Схватил сына, прижал к груди. Встал на колени. И у бывшего солдата покатались слезы-горошины на плечи сына. Сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, отпустил сына. Обратился к родным: «Здравствуйте, мои дорогие, здравствуй, родная земля, кормилица, кланяюсь вам в пояс. Спасибо за встречу».

Вера припала к коленям, шептала: «Прости меня, Федорушка, как вернулся с германской, никто к моему телу не прикасался. Маменька четыре года назад умерла, мы, невестки и дочери, присматриваем за тятенькой».

– И ты меня, Вера, прости, но любовь иссохла еще тогда, когда узнал горькую новость, насильно любить не заставишь. Ирина к душе припала. С ней, наверное, век буду доживать.

Ирина раскраснелась, обхватила лицо руками и говорила, говорила: «Греха на мне нет. Егорушку, брата твоего, как и обещала, десять лет ждала. Никто плохого слова обо мне не скажет и люди нас с тобой, Федор, не осудят. Не уронили мы своей чести».

Сестра Людмила предложила: «Пойдемте к нам, отметим возвращение. Дом большой, Григорий мой сейчас у власти – председатель сельского Совета. Горюшкина Никифора повысили. В Перми сейчас, в комиссариате по сельскому хозяйству. Землеустройством занимается». На том и решили.

Посреди улицы компанию встречали: Григорий Степанович Пономарев, Петр и отец, Порфирий. Порфирий подошел первый: «Здравствуй, сынок, рад тебя видеть живым и здоровым при высокой должности. Старые грехи прости, новых пока не нажил. Надо жить дальше в мире и согласии. Матушку нашу, Матрену Марковну, похоронил. Ждала тебя. Любила она тебя безмерно. Перед смертью днями сидела у окошка, ждала тебя, да не дождалась».

– Отец, горюю я по ней. В германскую и гражданскую часто снилась: из глухомани меня выводила на чистую и светлую поляну и наставляла: «Иди, сынок, тут до дома недалеко, тропинка выведет». Вот и привела меня тропинка к родному дому. Григорий Степанович, братья, сестры, давайте навесим могилку мамы, а потом и постолюемся. Ну что, Петр, стоишь в стороне, давай поздороваемся. Думаю, жизнь нас многому научила. Позора более на свою голову не возьмешь.

Селяне за годы междоусобицы измотались. И у белых, и у красных побывали. В каждом доме есть недоразумения, боль, утраты. Не обиды надо помнить, а новую жизнь налаживать. Земля как была наша, так нашей и осталась. Жаль, село опустело. Болезни, войны полсела унесли. Молодежь подрастает. Будем жить». После посещения погоста отправились в дом Григорию Пономареву.

Невестки и сестры побежали по домам. Тащили к столу съестное и выпивку. Народу набилось полный дом. Мест не хватало. Решили разместиться во дворе. Гуляли до вечера, вспоминая родных и близких.

Федор спросил у Петра: «С кем живешь?»

Ответил: «Пока у отца. Свое хозяйство развалилось, сын Коля с нами. Гостит неделями то у одной, то у другой сестры в соседних деревнях».

– Не дело это. Мужик должен знать один дом, иначе хозяина из него не вырастет.

– Знаешь, брат, после Анны ни к кому не тянет, хотя молодухек и вдов в деревне полно. Молодые девчата подрастают, да и я еще не стар – возраст Христа. По-честному, пустота в голове какая-то, после виденного и пережитого. Да и здоровье никак не наладится. Не окреп еще ни душой, ни телом».

За полночь, подошла Ирина и попросила: «Идем, Федор, домой. Дети на полянке сидят и дремлют. Ждут тебя».

Федор обратил внимание – во дворе чистота идеальная, под потолком потрескивала лампа семилинейка. Федор разделся и лег в разобранную постель и провалился в глубокий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.